

8. Patkanof S. Die Irtysch-Ostiaken und ihre Volkspoesie. St.— Petersburg, 1897.
9. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М.: Наука, 1981.
10. Спицын А. А. Шаманские изображения.— ЗОРСА, 1906, т. XIII, вып. 1.
11. Викторова В. Д. Ликийский могильник X—XIII вв.— ВАНУ, 1973, вып. 12.
12. Федорова Н. В. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X—XIII вв.). Автореф. канд. дисс. Л.: ЛОИА АН СССР, 1984.
13. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени.— САИ, 1966, вып. Е1—36.
14. Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекциям Теплоуховых.— МАР, 1902, № 26.
15. Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
16. Мурыгин А. М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985.
17. Колчин Б. А. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
18. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, 1957, № 58.
19. Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
20. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств.— САИ, 1971, вып. Е1—36.
21. Конигов Б. А. Материалы и характеристики вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья.— В кн.: Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.
22. Жанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале.— ЭВ, 1972, вып. XXI.

А. С. Ермолаева

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗУ ИЗ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Неизученность памятников эпохи поздней бронзы Восточного Казахстана послужила в свое время С. С. Черникову основанием для утверждения о непосредственном переходе андроновской культуры в культуру ранних кочевников. Памятники этого периода в основном были представлены случайными находками и керамикой трушниковского этапа андроновской культуры, полученной из раскопок С. С. Черникова [1, с. 21—25, 35—62, 75—87, 98—104]. Автор раскопок отмечал непохожесть этой керамики на андроновскую, но оснований для выделения памятников с этой керамикой в особую культуру не видел и ограничился выделением их в заключительный этап андроновской культуры.

Положение стало меняться с открытием Ф. Х. Арслановой Зевакинского погребального комплекса VIII—VII вв. до н. э. на правобережье Иртыша, имеющего некоторую общность в обряде погребения с карасукскими племенами Южной Сибири и Алтая [2, с. 46—60]. Но в отличие от карасукских погребений в Зева-

кинском комплексе почти полностью отсутствует глиняная посуда, в то время как большую часть вещей составляют бронзовые ножи карасуко-тагарских форм.

Второй комплекс переходного периода исследован отрядом Шульбинской археологической экспедиции на разновременном Измайловском могильнике, расположенном на левом берегу Иртыша, на второй надпойменной террасе [3, с. 437—438; 4, с. 509—510]. Раскопано 13 одиночных захоронений и одно сооружение-кенотаф. Они разделены на две группы, различающиеся между собой конструкцией сооружений, обрядом погребения и богатством сопровождающего инвентаря.

В первую группу включены 10 погребальных сооружений, основу конструкции которых составлял ящик квадратной или близкой к квадрату формы из массивных цельных или составных гранитных плит. Восемь ящиков имеют ограды, два — без оград. Конструкция оград неустойчива, в основном они круглой или овальной формы, сооружены из положенных на землю или врытых на грань камней и плит, иногда сочетают в себе оба эти приема. К этой же группе отнесено и детское захоронение в грунтовой яме, обложенной по верху камнями. Там, где удалось установить, погребенные лежали в скорченном положении, на правом боку, головой на запад.

Ограды 24 и 25, составляющие вторую группу, выделяются из остальной массы захоронений. Квадратной формы ограда 24 имела внутри комбинированную камеру-ящик размером 2×2 м, глубиной 2 м, сложенную из плит и камней. А в ограде 25, округлой в плане, на дне грунтовой ямы размером $4 \times 3,8$ м, глубиной 3 м сооружен бревенчатый сруб. Обе камеры в своей основе имели квадрат. Восточная ориентировка погребенных в них является предполагаемой, так как могилы разграблены.

Для ограды 24 характерно наличие следов огня в виде прокаленного песка над костяком, остатков обгоревших бревен, веток и угля за плитами ящика, а для ограды 25 — обилие символов огня в виде подсыпки из красной и коричневой охры.

Конструкция сооружений Измайловского могильника характерна для бегазы-дандыбаевских памятников Центрального Казахстана: комплексы Сангру I, Былкылдак I, Энбек-Суйгуш, Айдарлы и др. [5, с. 183—186; 6, с. 112—123, 153—159]. Общей чертой этих сооружений является устройство больших, нередко подквадратной формы каменных ящиков, ориентированных более длинными сторонами по линии З-В, в оградах и без оград, с одиночными погребениями в них.

Квадратный контур присутствует и в планировке мавзолеев Северного Тагискена [7, с. 81—85; 8, с. 176—178]. Наиболее поздний среди них мавзолей, характеризующийся круглым в плане внешним сооружением и квадратной погребальной камерой внутри, близок отдельными деталями конструкции и погребального обряда оградам 24 и 25 [8, с. 178].

Зевакинский же погребальный комплекс, несмотря на территориальную и хронологическую близость с Измайловским, дает иной тип погребальных сооружений [2, с. 47—50].

Большую часть находок в погребениях обеих групп составила глиняная посуда — 50 сосудов целых и во фрагментах¹. Все сосуды по форме, элементам орнамента и технологии изготовления разделены на три группы: в первую группу включена керамика бегазинско-карасукского типа (рис. 1); во вторую — саргаринско-алексеевского (рис. 2, 9—16) и в третью — все кувшины и один вазовидный сосуд (рис. 2, 1—8). Первую,

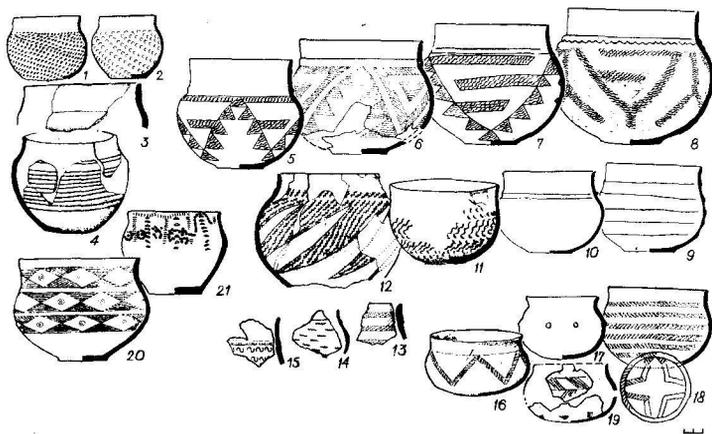

Рис. 1. Керамика бегазинско-карасукского типа:

1, 2, 6, 7, 9 — ограда 25; 3, 4, 11, 16 — ограда 8; 5, 8, 10, 14, 15, 18 — ограда 24; 12 — ограда 9; 13 — подъемный материал на могильнике; 17 — ограда 14а; 19, 20 — ограда 22; 21 — ящик 23

наиболее многочисленную, группу составляют 22 сосуда, разделенные в свою очередь на четыре подгруппы. По общей пропорции сосуды низкие и средние. Преобладающими в группе являются плоскодонные сосуды — 18 образцов.

Первую подгруппу составляют четыре сосуда, имеющие ребро при переходе от шейки к тулову (рис. 1, 1—4). 11 образцов второй подгруппы отличаются наличием узкого или широкого желобка по основанию шейки или одного-двух тонких валиков, образованных при формовке сосуда (рис. 1, 5—15). Сосуды имеют высокую прямую или почти прямую шейку, свободную от орнамента. В этой подгруппе наблюдается наибольшая шаровидность тулова, усложненность узора и разнообразие штампов. В III подгруппу выделены четыре сосуда (из них две чаши) с уплощенным дном (рис. 1, 16—19). И, наконец, IV подгруппу составили два горшка (рис. 1, 20—21). В отличие от остальных сосудов этой группы шейка у них орнаментирована до

¹ В связи с подготовкой специальной публикации по керамическому материалу в предлагаемой работе дается краткая его характеристика.

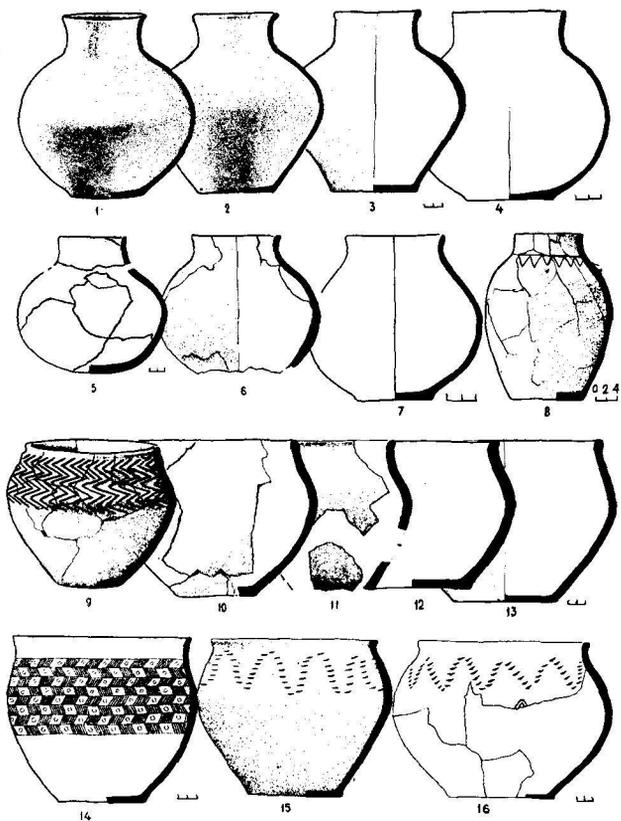

Рис. 2. Кувшины и керамика саргаринско-алексеевского типа:
 1...3, 13, 15 — ограда 27; 4, 7 — ограда 24; 5 — ящик 23; 6 — ограда 28; 8, 16
 ограда 9; 9 — ограда 8; 11 — ограда 17; 12, 16 — ограда 22; 14 — ограда 25

личие от уйгаракских псалиев измайловские имеют более широкую ложечку на конце.

Остальные части конского снаряжения имеют широкие аналогии в памятниках раннесакского времени Восточного [2, с. 57, табл. III, 24, 21, с. 255, рис. 1, 11, 12], Центрального [5, с. 317, рис. 8, 1—6, 12, 13, 19, 20, с. 323, рис. 15, 1, 2, 4, с. 330, рис. 24, 1, 2, с. 332, рис. 26, 1, 2, с. 334, рис. 28, 3, 4, 5, 6], Южного [22, с. 61, рис. 11, 10—14] Казахстана, Приаралья [20, с. 133, табл. I, 3—5, с. 134, табл. II, 8, с. 140, табл. VIII, 3, с. 141, табл. IX, 3, с. 147, табл. XV].

Оружие представлено бронзовыми наконечниками стрел переходного типа, найденными в ограде 22 (рис. 3, 2, а, б, в, г). Это четыре наконечника пулевидной формы со скрытой втулкой и едва намечающимися узкими лопастями Ф. Х. Арслановой опубликованы семь идентичных наконечников стрел в числе предметов, случайно обнаруженных на руднике Асу-Булак в Восточном Казахстане [23, с. 120, рис. 1, 7, 11, 13, 15, 16, 18, 28] и определен круг их аналогий [23, с. 123], на основании которых дата наконечников стрел определена в пределах IX—VIII вв до н. э. К этому добавим, что наконечники стрел аналогичной формы найдены на дюнах под Семипалатинском [24, с. 76, рис. 2] и на поселении Мыржик (финальная бронза) из Центрального Казахстана¹.

К числу редко встречающихся орудий относится бронзовое одностороннее четырехгранное шило с упором в средней части (ограда № 8). Однотипное шило, найденное вместе с наконечниками стрел на Асу-Булакском руднике, опубликовано Ф. Х. Арслановой [23, с. 120, рис. 1, 45]. Дата шила определена ею на основе аналогий подобным шильям из среднеазиатских поселений Дальверзин (рубеж II—I тыс. до н. э.) [25, с. 31, табл. XXII, 8] и Яз-депе (IX—VIII вв. до н. э.) [26, с. 48, рис. 34].

Широко распространенным типом в памятниках поздней бронзы Казахстана, Киргизии, Южной Сибири является бронзовое втульчатое копьевидное долото из ограды 25 [27, с. 26, 27, табл. III, 1, 7; 28, с. 22, 23, табл. 11, 12; 16, с. 13, рис. 6, 3]. Аналогии же бронзовой воронкообразной цедилке с ручкой (рис. 4), найденной рядом с долотом, автору неизвестны.

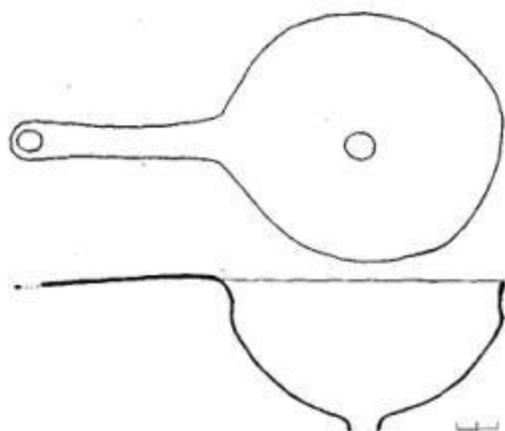

Рис. 4. Бронзовая цедилка из ограды 25

¹ Выражаю признательность А. С. Загороднему, разрешившему сослаться на неопубликованный материал.

18. Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.— МИА, 1960, № 90.
19. Кадырбаев М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана.— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.
20. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. ТХАЭЭ, 1973, т. VIII.
21. Арсланова Ф. Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана.— СА, 1972, № 1.
22. Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе.— КСИИМК, 1960, № 18.
23. Арсланова Ф. Х. Археологические находки в Казахстане.— В кн.: Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
24. Спицын А. А. Случайные находки близ Семипалатинска.— ИАК, СПб, 1904, вып. 12.
25. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118.
26. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
27. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, 1966, вып. 34—9.
28. Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, 1971, вып. ВЗ — 12.
29. Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА, 1978, № 154.
30. Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры.— В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978.